

Александр Кандауров

ВНИЗ

по невидимой

РЕКЕ

Александр Аркадьевич Кандауров

Вниз по невидимой реке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24823064

*Александр Кандауров. Вниз по невидимой реке: ПРОБЕЛ-2000; Москва;
2014*

ISBN 978-5-98604-432-3

Аннотация

Александр Аркадьевич Кандауров, 1952 года рождения, по образованию военный переводчик, в настоящее время – киноархивист. Текст представляет собой попытку осмыслить происходившие с автором события на протяжении первых двадцати лет его жизни: мальчик в затерянном в песках военном гарнизоне, школьник в середине 1960-х в Астрахани, слушатель Военного Института иностранных языков в начале 1970-х в Москве. Это не воспоминания, а, скорее, размышления и череда картинок и образов. Текст включает фрагменты писем деда автора, оказавшегося во время войны в Германии и потом в США.

Содержание

Глава 1	8
1	8
2	20
3	23
4	27
5	30
Глава 2	33
1	33
2	37
3	41
4	43
5	51
6	57
7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Александр Кандауров

Вниз по невидимой реке

Памяти моего сына Аркадия и его жены Лизы

Художник Степан Кимович Ботиев

© Кандауров А. А., 2014

* * *

Вспомни свои реки и улицы – эти «длинные вещи жизни».

Их омуты и тупики.

Побывай на прощание там, где ты смеялся и плакал, оглядывался, чтобы посмотреть и отводил глаза, чтобы не видеть, расставался навсегда и встречался через неделю, обещал помнить и забывал.

Ты был, как все: боялся боли и смерти, любил и предавал, надеялся на прощение и бывал прощён, терял тех, без которых жить невозможно.

А ты жил.

«И сердце на клочки не разорвалось...»

NOTTURNO

Другу моему С. К. Буличу

Тёмную выбери ночь и в поле, безлюдном и голом

В сумрак седой окунись... пусть ветер, провевя, утихнет,

Пусть в небе холодном звёзды, мигая, задремлют...

Сердцу скажи, чтоб ударов оно не считало...

Шаг задержи и прислушайся! Ты не один... Точно крылья

Птицы, намокшие тяжко, плывут средь тумана.

Слушай... это летит хищная, властная птица,

Время ту птицу зовут, и на крыльях у ней твоя сила,

Радости сон мимолётный, надежд золотые лохмотья...

26 февраля 1890

Иннокентий Анненский

Глава 1

Жизнь не прольётся чернилами на листе

*Жизнь не прольётся чернилами на листе.
Белым по белому, мелом по бересте, —
она, я уверен, будет едва видна
в день, когда расплещем ее до дна...*

*Осень 2004
Аркадий Кандауров*

1

Побудь один.

Ну что ты всё цепляешься за эту жизнь, как дитя за юбку, что ты всё никак не можешь расстаться со своими женщинами, всё заглядываешь в глаза своим взрослым детям? Оставь ты их всех в покое. Всё ещё надеешься увидеть в детях себя, да? Своё продолжение? А зачем тебе продолжаться, ты что – Тутанхамон?

Как родился – так и свалишь. Сказал ведь кто-то умный: «Тебе уже показали весну, лето, осень и зиму. Чего ж тебе ещё надо?» Вот о чём пора задуматься. Глядишь, и продол-

жаться расхочется.

Побудь один.

«Дотянешь чудом до двухсот... А там?» Сколько ты не продолжайся и как не юли, а всё одно: только невидимая река времени единственная не знает конца. Медленно и неостановимо крутится это веретено, беззвучно и неотвратно тянется невидимая нить твоей жизни в вечный холод, в необитаемый мрак. Только эта река ниоткуда не вытекает и никуда не впадает. Только её воды неумолимо пронизывают каждую клетку нашего тела, равнодушно унося нашу жизнь по крошке, по кровинке.

Побудь один.

Вспомни свои реки и улицы – эти «длинные вещи жизни».

Их омуты и тупики.

Побывай на прощание там, где ты смеялся и плакал, оглядывался, чтобы посмотреть и отводил глаза, чтобы не видеть, расставался навсегда и встречался через неделю, обе-

щал помнить и забывал. Ты был, как все: боялся боли и смерти, любил и предавал, надеялся на прощение и бывал прощён, терял тех, без которых жить невозможно.

А ты жил.

«И сердце на клочки не разорвалось...»

Почему тебя так тянет ещё раз побродить в этих потёмках, зачем ты запускаешь руку в этот мешок? Тебе кажется, там спрятано что-то важное про тех, с кем ты прожил эту жизнь и про тебя самого? Ты хочешь нащупать это важное, собрать хоть какие-то камни?

Что ж, загляни напоследок в эти чёрно-белые окрестности себя, любимого. Прошвырнись по центрам и предместьям городов, где ты бывал, по своим полям и лукоморьям. Если кто спросит, скажи: я на прощанье, я тихо, я никого не разбужу.

Невидимый, послоняйся напоследок по стеклянным аэропортам, где карты вечно спорят с циферблатами, и только Главный Штурман знает ответ, где все встречаются впервые и прощаются навсегда, где тебе вечно наобещают с три короба, измучают в болтанке, а как ни крути – всё равно посадят там же, откуда взлетал.

По вокзалам твоей большой страны с их замызганными вагонами, ослепшими и онемевшими от избытка проносащегося мимо них бесконечного, чужого, злого пространства, с их платформами, которые всё время принимают отъезжающих за провожающих и наоборот. С их залами ожидания, где время стреножено, приручено и приковано к колёсной паре. С их стационарными буфетами, где вечнозелёный сыр в целлофановом удушье сначала загнулся, а уж только потом пропотел.

Пройдись по своим школьным коридорам, где всё бегают ловкие, быстрые дети, обтекая грузно бредущего педагога, и всё чего-то, как птицы, кричат.

Загляни на прощание в классы, где ученик смотрит на жизнь за окном, как смотрит на происходящее в комнате рыбка из аквариума, где не знающие ответа на собственные вопросы взрослые предлагают тебе хорошенько подумать, где для особо одарённых всё повторяют по три раза. Где за дёшево отдают сундуки, набитые лежалыми буквами и цифрами, а никто всё равно не берёт.

Вот твои красного кирпича казармы, где ночью у каждой двухъярусной койки стоят две пары сапог с накрученными на них сохнувшими портянками, где спящие не хотят просыпаться до обеда, а визгливые клоуны со звёздами на плечах управляют временем, только ничего у них не выходит. Здесь они такую большую и такую твою свободу мелко крошат и привычным движением ловко бросают на весы. Стрелка ещё ходит ходуном, а тебе уже объявляют цену: всего одна жизнь. Это как игра в напёрстки – ты не выиграешь никогда.

В этих красных казармах учат любить родину. А не родину – не любить.

А это институтские аудитории, где ты окончательно понимаешь, что пропал. Ты только посмотри: вот они выводят на доске формулу, по которой тебе придётся прожить свою жизнь, вот они открывают эти пыльные тома, развешивают графики и выставляют колбы и реторты и всё это, собственно, и есть то, на что тебе предстоит эту жизнь поменять.

А вот классная комната, где в снопе прорвавшегося с улицы солнечного света замерли, как замороженные, учитель и ученица, они смотрят друг на друга и не могут насмотреться. Они не знают, как с этим быть, куда спрятать. Они видят только глаза напротив. Всё куда-то подевалось: ни тебе звёзд на небе, ни закона в душе. Бедные, они не ведают, что звёзды вернуться и ослепят, и закон застучит по столу кулаком, и не всякий выстоит, а только самый сильный.

Пройди по церквам, где в полумраке смерть обряжают

невестою, где тысячу лет запаливают свечи, чтобы разглядеть друг друга, а их всё задувает сквозняк, и их запаливают снова и снова, но разглядеть так ничего и не могут. Где тем, кто хорошо себя ведёт, раздают крепкий сон.

По больницам, где каждый вечер прощаются до завтра, где одни стонут от боли, а другие не спят от страха перед ней.

По кладбищам, где время снимает маску и показывает тебе своё лицо, и ты смотришь, но ничего не видишь. Где птицы взлетают с деревьев и садятся на кресты, а больше никогда и ничего не происходит. Где ты сам становишься временем. Просто одним из прошедших времён. Плюснимперфект.

По подвальным и полуподвальным пельменным, закусочным, рюмочным и пивным, где за правильные слова дают допить, а за неправильные дают по морде.

По всей своей земле, где никто никого не жалеет.

Побудь один, не зови никого.

Посиди ещё раз в своих комнатах и в комнатах чужих, как гостиничные номера. Всё одно: и те, и другие принимали тебя на время. Они ничьи, они послушно распахивают перед нами свои равнодушные двери, мы согреваем их своим дыханием, своим теплом, выглядываем из окон, выходим на балконы, мы привыкаем к каждой щели на полу, к каждому пятнышку на обоях, а они нас даже не замечают. Им не больно, когда мы делаем в их стенах дырки и вешаем свои картинки, они не затыкают уши, когда мы слушаем свою музыку, не прислушиваются, когда мы молимся своим богам, не отворачиваются, когда мы раздеваемся и ложимся на свои кровати. Не плачут вместе с нами. Их не смешат наши шутки,

и не трогает наше горе. Мы очеловечиваем их, а они просто камень, пыль, прах.

Невидимая и всеильная река времени заносит нас в эти комнаты на мгновение, за которое мы проживаем отпущенную нам жизнь, и выбрасывает нас из них, когда выходит срок.

2

Ты пробуешь, но у тебя ничего путного не выходит. Ты привык плыть вниз по течению этой реки времени, а вверх – в сторону истока – у тебя не получается.

В потёмках твоей памяти – то здесь, то там – мелькают тени, картинки, звуки, запахи. Ты пытаешься их поймать, но они обретают плоть и цвет только на мгновение, а потом ускользают, обесцвечиваются, истаивают, и вообще смещаются в другие, недоступные для тебя пределы.

Ты открываешь фотоальбомы, но здесь западня: ты можешь принять случайно выхваченную из потока жизни игру тени и света за реальных людей, которых ты так мучительно и, по сути, бесцельно пытаешься оживить в своей памяти.

«Только бы рук, только бы губ мне не перепутать».

Ты хочешь извлечь из этой темноты хотя бы горький запах взлётно-посадочной полосы, по которой с грохотом разгонялся и уходил в белёсое, ещё не проснувшееся азиатское небо твой молодой отец, хотя бы нырок самодельного поплава из винной пробки на мутной глади арыка или истекающую неправдоподобно сладким соком липкую дынную мякоть.

Тебе жалко, что этот никому не нужный хлам твоей обычной жизни пропадёт, тебе кажется, что ты можешь спасти это своё добро от забвения, просто описав его словами. Забросить на телегу, уходящую... куда?

Только не думай о цели этого предприятия, а то у тебя

совершенно опустятся руки. Это твоя делянка, возделывай её.

Как зачем? Чтобы просто попробовать правильно расставить слова.

Не раскисай, не теряй надежды. Поймай этот солнечный зайчик, ухвати какой-нибудь пустяк, глядишь, и покатится клубок, и блеснёт на солнце нить, тонкая, как паутинка.

Пусть это будет какая-нибудь ерунда, ну хотя бы след от твоего велика на почерневшем и дымящемся как суп асфальте военного городка, затерянного в Каракумах. Или варан, забежавший в твой тенистый оазис из пустыни, чтобы спастись от зноя и голода, и разрубленный солдатскими лопатами.

Пусть будет смертельно опасная гюрза, которую ты вытащил вместо рыбы из мутно-жёлтой туркменской реки Мургаб: тогда ты увидел её по-рыбы крупную сонную морду, её чешую с переливами, позорно бросил удочку и убежал.

Пусть это будет твой первый полёт на видавшем ещё военные виды ЛИ-2 из Красноводска в Баку, пусть этот сладкий ужас, пусть болтанка над застывшими, «цвета окаменевшей водки» складками Каспия.

Или автопробег на горбатом «Запорожце» по пескам Каракумов, по такыру у отрогов Небит-Дага и дальше за море до старой Астрахани.

3

Ты просишь, собственно, о простых вещах.

Сказать по совести, ну кому, кроме тебя, нужно это сонное озеро у развалин старого Мерва и крепости султана Санджара, эти красноглазые сазаны, дремлющие в камышовой прохладе, эта осыпавшаяся древняя стена с бойницами в Байрамали?

Никому.

Никто, кроме тебя, не знает, что делать с чуть тронутой сиропом, закипающей в горле ледяной газировкой за три копейки, которая извергается из чрева недовольно кашляющего, простуженного автомата на вечерней, полуобморочной, отдыхающей от зноя центральной марыйской улице.

Или с косичкой из сушёной дыни на изнывающем от жары, пыльном марыйском базаре, с косичкой, сплетённой натруженными, опалёнными солнцем, восковыми пальцами старой туркменки в затерянном в каракумских песках ауле. О чём она бормотала? Может, огорчалась, что задевала куда-то марлю и нечем теперь укрыть дынную косичку от мух?

Кто теперь играет в кости-альчики, послушно встающие на алчи или таган после хитрого броска?

Никто.

Куда пропало искусство кустарного изготовления свинцового грузила из самолётных аккумуляторных пластин?

Не говоря уже о таком пустяке, как лянга (она же маялка) – куске козьей или овечьей шкуры со свинчаткой, которым набивали рекорды ударами щиколотки, финтили носками и каблуками ботинок.

Она же доброго слова не стоит, но и её уже не поймать, и она после очередного удара улетела, не попрощавшись, в холодные небеса. Где она теперь?

Нигде.

Не унывай, ищи, ведь хоть что-то должно было остаться.

Пусть это будет не бабушкин «наполеон» с поедаемыми накануне праздника обрезками и остатками крема, не пенка от вишнёвого варенья, не ёлка из далёкого русского леса с огнями и шарами.

Ладно, на нет и суда нет.

Пусть рыбий жир, пусть вой ночной сирены, поднимаю-

щий пилотов по тревоге, пусть ожидание отца из многодневного перелёта...

Нет, всё рассыпается в твоих руках, как высохший осенний лист после первого твоего прикосновения.

На худой конец ты уже согласен даже на прививку под лопатку. На бой «до кровянки» с Сашкой Колобовым на грязном дворе школы № 12 туркменского города Мары: оба хотели делить парту с залётной, таинственной югославской девочкой по имени Надя Кукания в третьем классе, а место было одно.

Ты готов проиграть обратно все деньги, выигранные тобой в «джока» или «Up And Down The River». Сдавайте, ребята, сдавайте, я распишу, это такая классная игра, я вас научу, не бойтесь, ведь если не играть, то и правила забыть недолго!

Увы, нет желающих.

Ты уже почти готов на стыдную операцию, про которую не расскажешь, на детский ночной ужас при мысли о том, как ты будешь с ними всеми прощаться, на мамину хромоту и её обидные крики, всю жизнь летавшие по нашим комнатам, как чугунные ядра, на бабушкино одиночество и слёзы. На папину вынужденную посадку в пустыне, когда его серебристый МИГ не ушёл, как положено, в сыпучий песок, а пронёсся по нему, да так и остался, раскалённый, лежать на каракумском бархане.

Ты уже готов на любые ставки в этой игре без правил, только бы оживить в памяти этот цвет, вкус и запах, только

бы удержать их здесь, среди живых, не дать сгинуть в этой равнодушной реке.

«На вершок бы мне синего моря...»

4

Ни тебе вершка, ни корешка.

Увы, ты не Дед Мороз – борода из ваты. Мешок твой не волшебный, Снегурка кому-то звякнула и куда-то слиняла, ёлочка никак не зажигается, дети над тобой смеются, старшие незаметно курят в кулак, родители грозят побить.

На что же ты надеешься? Конечно, на чудо.

Твоя рука воровато и нетерпеливо шарит в мешке, но натывается, увы, совсем не на шоколадного зайца из заграничной рождественской сказки, не на грохочущий зелёный грузовик на верёвке, утопленный в колодце дворовым завистником и спасённый папой при помощи лески и крючка...

Нет в твоём мешке ни югославской девочки с толстой кожей и пухлыми губками Мальвины, ни армавирской горячей сливы, лопнувшей от спелости и сладости, ни бумажного змея, склеенного вместе с папой и гордо парившего в синем, не успевающим за ночь остывать азиатском небе над военным городком «Мары-2», над стадионом.

Куда всё это подевалось?

Тщетно ты ищешь паутинно тихое, пахнущее шиповником туркменское утро, головастиков в арыке, увитую виноградом беседку со свисающими кистями.

Может, тебе всё это просто приснилось?

Да нет же, ты хорошо помнишь рёв самолётов, которые папа и другие пилоты пригнали из Белоруссии и на которых прошли прямо над крышами нашего городка, сея весёлую панику, сладковато-затхлый запах, источаемый пожелтевшими страницами потрёпанного толстого тома узбекских сказок из гарнизонной библиотеки, приторный вкус леденцового петушка, купленного на рынке у страшной беззубой цыганки.

Зачем тебе всё это сейчас, несколько жизней спустя?

Признайся хотя бы самому себе: просто ты хочешь ещё раз прожить один-единственный день, когда все они были ещё живы. А ты этого просто не замечал. Как воздух, которым дышишь.

А впрочем, любитель древностей и острых ощущений, пожалуй: вот тебе – для начала – твой нос, расквашенный всё на том же дворе всё той же марыйской школы № 12.

Вот тебе твой изуродованный велик, когда ты отправился на Санджара один рыбачить, а встреченные на беду туркменчата, которые и мечтать не могли о таком «Школьнике», как у тебя, сломали руль, оторвали цепь и отобрали кукан с уловом. Ну да, опять же нос разбили в кровь, как без этого?

Что у нас там ещё? Дальше-больше.

Вот тебе окурки от сигарет, названия которых теперь уже никто не помнит. Ну, эти, как их, самые дешёвые...

Вот пропахшая подмышками школьная раздевалка и следом за ней холодный и гулкий спортзал со стоящими на блестящих хромированных протезах ледяными дерматиновыми чудовищами – козлом и конём – и с матами, тяжёлыми от пыли и от слёз физкультурников и физкультурниц.

«После уроков сразу не сваливай, мы тебя бить будем. Как за что? Да ни за что. Мы новеньких всегда бьём».

Мешочек для сменной обуви не желаете? Бабушка ведь шила. Непроливаечку, прописи. Мы писали, мы писали... Нет? Не хотим обратно в звеньевые? Не любим школьные годы чудесные? Странно. Все ведь любят...

Правду люди говорят: некоторые и сами не знают, чего

они *хочут*.

А портвейн из горлышка на заброшенной стройке на спор, и пустой пузырь – об стену? Вспомни-ка, каким ты парнем был! Как вино из горлышка ты пил! Не хочешь? Да ты, братец, перебора.

Ну ладно, пойдём дальше.

Вот засохшая лиловая губная помада случайной девицы посредственной фактуры с одной мануфактуры. Что, опять не нравится? Помада или девица? Девица? А говорил, ничего... Значит, врал? Натурально, врал.

Что у нас тут ещё в мешке?

Много чего: вот вам этикетка от бутылки вина «Волжское», про которое пившие его сказали бы, да сомкнуты уста.

Рядом с ней синенькие такие билетки на дневной сеанс в кинотеатр «Комсомолец» по двадцать копеек. Когда денег мало, всё имеет значение. И журнал перед кино тоже. Это знаешь как: если, например, с утра непруха, как пить дать будут «Новости дня». А то и «Советский воин». А если, скажем, весь день всё путём – то «Фитиль».

Вот заполненный от руки авиабилет на рейс самолёта, который давно распилили на лом, потому что он столько налетал, что перестал бояться высоты, а это в воздухе самая опасная штука.

А сказали – усталость металла.

Вот какой-то боевой листок факультета западных языков, упраздненного за ненужностью. Кто его знает, почему. То

ли все языки выучили, то ли все враги разбежались. Короче, кроме этого листка ничего не осталось.

А вот торопливо разорванный бумажный пакетик с названием завода резинотехнических изделий. Почему торопливо? Ты что, дурак?

Вот магнитная лента со скрипом рассказывает голосом нашего грустноглазого писателя про его любимую Одессу и про большую беду, которая только и нужна, чтобы мы все как один, а какой-то ряженный полководцем бровастый дед всё гундит сам себе с чёрно-белого телеэкрана про Малую землю, которая всех нас спасла от Большой Беды.

На дне мешка просто обрывки: какие-то привокзальные цыгане, футбольные кубки и хоккейные серии, музыкальные шкатулки и радионяни, сопоты с разноцветными кибитками, кубанские свадьбы с кубинскими романами, финалы и олимпиады, салюты и грамоты, парады и юбилеи.

Необязательные слова, несмешные шутки, сырые плакатные подушки, мёртвые телефонные номера и тараканьи номера гостиничные. Прочий хлам твоей длинной жизни.

Унесёшь или помочь?

Глава 2

Возьми на радость из моих ладоней

*Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда...*

Осип Манделъштам

1

Говорят, в самом начале было Слово. Очень даже может быть.

А у тебя в начале, конечно же, будет твоя бабушка, Надежда Ивановна Ярошевич, в девичестве Белобородова.

Она будет твоё всё.

Это она по своему разумению выведет тебя, как сталкер, из зоны твоего детства, минуя все или почти все его опасности, соблазны, страхи и болезни – все как одна смертельные.

Это она сбережёт тебя и перекрестит, когда ты в семнадцать лет навсегда оставишь дом, чтобы потом приезжать уже гостем.

Это её уход станет твоим первым ошеломляющим опытом горя, унижительного, уродливого в своей непоправимости.

Она повезёт тебя на Кубань, спасая от зноя и гнуса Каракумов, всё здесь будет тебе в диковину и в радость. Всё запомнится, как начало жизни.

Бабушка будет покупать тебе самый лучший, самый сладкий, самый пломбиристый в мире пломбир на станции «Прохладная» и показывать в окне поезда коров. Ты обрадуешься: «Баба, смотри, какие ослики», а бабушка станет оправдываться перед попутчиками по купе, что, мол, мальчик вовсе не дурачок, просто сами мы не местные, из Средней Азии едем, у них там коровок нет, одни только аксакалы и саксаулы.

И вот ты с бабушкой на месте. Вы шагаете утром по вымытому летним ночным дождём тротуару, вымощенному булыжником. Солнце уже на полдесятого. Вы с бабушкой идёте на армавирский базар по улице Горького, из-за заборов над твоей головой свисают спелые вишни, на земле под твоими ногами желтеют раздавленные жердела, они же дикие абрикосы.

На тебе сандалии застёгнуты так, что ляжка не трёт, а носки на тебе светло-синие с тёмно-синей полоской. Ты аккуратно так ступаешь, чтобы не раздавить лежащие на дорожке переспелые вишни, к которым уже прокладывают тропу муравьи. Они ведь (вишни, не муравьи же) брызнут, и прощай носки.

Ты ступаешь легко, потом ещё легче, и вот ты уже паришь над дорожкой, но бабушкину руку не отпускаешь.

Голову тебе кружат запахи летнего южного утра: там и зелёная краска, которой дядя Миня красит забор, и спелый, желтоватый с продавленками абрикос, и жареные семечки, которые почти задаром продаёт маленькими стаканчиками нестрашная бабка на углу, и ещё что-то влажное, прохладное, свежее: яблоки, мята, скошенная трава.

Ты разглядываешь клумбы со смешливыми анютиными глазками да дурашливыми ромашками. Просто рай на земле, умирать не надо.

Ты слышишь, как сидящие вдоль тротуара торговки нахваливают свой товар, как керосинщик звонит в медный колокольчик, извещая округу о том, что приехала бочка керосина на подводе, и вот уже выстраивается гомонящая очередь с банками и бидонами.

Кто-то шипит за забором, что варенье едят из розетки ложечкой, а не из банки пальцем, кацап ты неумытый, а кто-то по-русски с сильным кавказским акцентом ругается, что армяне понаехали, и житья не стало.

«Слушай, зачем дома не сидят?»

Всё как у людей.

Вот вы встречаете безымянную ветхую бабушкину знакомую, которая, увидев тебя, радуется: «Как Игорёк-то вытянулся». Это она о твоём дяде, который старше тебя лет на пятнадцать. Отойдя, бабушка досадует: «Вот уж, прости Господи, старой барыни журнал».

Ты не понимаешь, почему та старушка – журнал неизвест-

ной тебе барыни, но с бабушкой не споришь.

Бабушка не любит помина́ть чёрта, поэтому посылает всех, кто нам с бабушкой мешает жить, к «свиньям собачьим».

Приехавшую в Армавир маму ты не признаешь и обзовёшь «тётей». Наскоро, по-деловому всплакнув, она уедет обратно в Туркмению, чтобы там помогать папе летать на самолёте и ждать, когда будет комната, чтобы забрать тебя и бабушку.

2

Вот из-за соседского забора выплывает, не замечая никого, бабушкина вечная подружка Полина Борисовна – очень опрятная, завитая и подкрашенная, не по-здешнему одетая, почти бесплотная, маленькая, вполне себе бодлеровская старушка трудной судьбы.

У неё никого и ничего нет. Земное притяжение уже почти не удерживает её. Она существует отдельно от этого города, этой страны и этого века.

Армавирская пыль не пристаёт к игрушечным чёрным лакированным туфелькам Полины Борисовны. На ней чёрная юбка до пят. Манжеты её белоснежной блузы вскипают и пенятся кружевами.

Вот вы с бабушкой приходите к ней в гости. Полина Борисовна наливает чай в тонкие фарфоровые чашечки, расставляет крошечные розетки для варенья. У неё всё игрушечное, не настоящее.

«Сашенька, попробуешь айвовое?»

Она ещё спрашивает. Конечно, и айвовое тоже.

Полина Борисовна всё перелистывает пожелтевшие письма на непонятном тебе языке. Сердце её разбито, он предал её. Прошла целая жизнь, а она всё безутешна. Он всё забыл. Если вы у неё спросите, она не вспомнит, какое сегодня число. Зато она никак не может забыть два парижских адреса:

от одного она всё ещё ждёт письма, но, увы, тщетно, а по другому адресу уже лет сорок ждут её ответа, но нет, нет, ни за что на свете. После такой чудовищной лжи...

«Нет, Наденька, не надо, пусть всё это уйдёт вместе со мной».

Кто-то обидел её – такую маленькую, потерянную, печальную, и тебе жаль её.

Посмейтесь, что же вы не смеётесь? Впрочем, это делает вам честь.

Полина Борисовна, Ваша жизнь и чище, и значительней жизни многих Ваших попутчиков по двадцатому веку, который так долго откладывался, а всё равно застал всех врасплох.

На ваших руках и манжетах нет крови. Откуда ей взяться? Вас никогда не занимала вполне себе безумная идея всеобщего равенства и несвободы, братства и нищеты, бодрых маршей, доносов и скучных расстрельных списков.

Ведь Вы всю жизнь мечтали о любви. Как жаль, что я могу говорить сегодня только с Вашей тенью.

Полина Борисовна, сегодня никто больше не перелистывает Ваши старые письма, никто больше не ждёт от Вас ответа, на всём белом свете никто уже не помнит Вашего имени-отчества, кроме меня.

Вот оно звучит ещё раз, и ещё, вот и в последний раз, вот и оно уплывает вместе с другими именами вниз по медленной невидимой реке.

Теперь прощайте.

3

На базаре вы с бабушкой быстро минуете привыкших к жизни стариков, разложивших на нечитанных газетах какие-то железки и склянки, а также никогда не замолкающих тёток с кофточками и чулками в руках.

Вы сразу направляетесь под гулкие белые своды крытого рынка, где всегда прохладно, где на длинных каменных столах стоят ряды стаканов и банок, в которых холодное топлёное квашеное молоко с коричневой пенкой. Ты замечаешь, что торговки в этом ряду – самые аккуратные и приветливые на всём рынке. Они все в белых фартуках и косынках, они радуются, что вы с бабушкой к ним пришли. Они или снимают пенку, или со звоном размешивают её в стакане ложечкой – это как ты попросишь – и ты пьёшь.

Всю жизнь, оказавшись на южном базаре, ты будешь маниакально спешить в молочный ряд и пить это молоко, известное под разными названиями в разных уголках твоей большой страны, которой больше нет.

Бабушка тем временем в соседнем ряду выбирает куриные потроха на суп. Они лежат на прилавке маленькими жалкими бледно-синеватыми кучками: горло, лапки, крылышки, сердце, желудочек. Всё это никак не напоминает бегающих по берегу Кубани глупых живых кур, и горькая куриная участь не трогает тебя.

«Дамочка, да вы только гляньте, это же не курочка, это ж мёд с сахаром». Тебе нравится слово «дамочка», но бабушку не собьёшь, и она продолжает выбирать.

Потом бабушка пробует сметану, которую торговки кладут ложечкой прямо на тыльную сторону её ладони. Потом она покупает душистое подсолнечное масло, которое наливают особой мерной кружкой в нашу бутылку через воронку, и ещё муку.

«Это мы с Сашенькой напечём блинчиков, а вареники напомним с вишней».

Ты помогаешь бабушке тащить покупки до дома, досадую, если на вашем пути возникает кто-нибудь из её многочисленных армавирских знакомых, с которыми приходится разговаривать, перекладывая из руки в руку режущие пальцы ручки авосек.

«Надолго в родные края? А как там Ирочка? Несладко, наверное, в Средней Азии-то».

4

Ты уже знаешь, что раньше у бабушки был папа, который был портной и очень бабушку любил. Ты его хорошо понимаешь, бабушку любить совсем не трудно.

Всем он был хорош, но была одна беда: два раза в год он запирался в сарае и никого к себе не пускал ровно десять дней. Всё это время он пил водку. Потом выходил, исхудавший, бледный и пристыженный, и опять портняжил примерно полгода до следующего запоя.

Однажды он в жару выпил холодного пива и от этого умер.

Бабушка расскажет тебе, что он был еврей и сирота, которого пожалел станичный казак и взял к себе в дом, окрестив Ваней и дав свою фамилию – Белобородов.

Ты удивишься словам «еврей» и «казак», а также тому, что можно пить водку, а умереть от пива, но бабушке ничего не скажешь.

Как станичная родня ни старалась сделать из еврея Вани казака, ничего не выходило. Ваня не любил и боялся лошадей. Вышел из Вани портной, причём портной хороший. Только очень нервный.

Ещё у бабушки недолго была мама, которая рано умерла от болезни. Потом была мачеха, вторая жена её папы. Она не пила ни водки, ни холодного пива и, очевидно, именно поэтому ты её и застал.

Когда бабушка вместе с тобой приедет к ней в гости в Лабинку, они примутся так целоваться, утирать глаза и качать головами, как будто мы приехали не из соседнего Армавира, а с русско-японской войны. Потом они усядутся пить чай, а тебя отправят на двор погулять.

Прогулка получится славной только отчасти: во дворе ты первым делом повстречаешь огромного злобного индюка, который будет привычно проживать обычный день своей небогатой событиями жизни и который при твоём появлении заметно оживится.

Он будет выше тебя, он станет противно шипеть, из его жуткого клюва, как тебе покажется, будет свисать большая отвратительная ярко-красная сопля. Его мёртвые ледяные – как у удава – глаза уставятся на тебя, не мигая.

У тебя в туркменском гарнизоне были самолёты, ослы, верблюды, жабы, ящерицы и даже скорпионы, но индюков не было. В буквальном смысле, во всём гарнизоне – ни одного.

Индюк пойдёт на тебя как в последний бой – зло и решительно. Безумец. Если бы только он мог представить себе последствия этой своей минутной слабости, он бы поостерёлся.

Ты же не ведаешь, что можно ожидать от этой жуткой птицы. Ты не будешь готов к такому беспричинному, неожидан-

ному, явному и искреннему проявлению нелюбви. Ты отступишь.

Пытаясь сохранить лицо, ты пойдёшь прочь, за колодец, как бы прогуливаясь и как бы невзначай поглядывая на дом, где бабушка и её мачеха всё пьют свой чай.

Скорее всего, индюк решит, что ты его дразнишь, и ещё более озлится.

Это он зря, ибо ты был готов на мировую на любых условиях. Индюк же расправит свои огромные крылья и пойдёт в атаку. Уже через мгновение он будет носиться за тобой вокруг колодца, и при этом шипеть как продырявленная шина.

Сначала ты станешь нарезать круги молча, как искусственный спутник Земли, но, увидев, что расстояние между тобой и индюком неуклонно сокращается, примерно на пятом витке ты в панике завопишь. Услышав этот сигнал бедствия, на крыльцо неожиданно проворно выскочит мачеха твоей бабушки, которая станет свидетелем твоего позора.

Она же и спасёт тебя от неминуемой гибели. Шепча проклятия в адрес ужасной птицы, причитая и охая, она сделает невозможную, совершенно для тебя неожиданную вещь – она просто схватит индюка за загривок, уволочёт его к сараю и отрубит ему что-то ещё недовольно шипящую голову.

«Будешь, паразит, знать, как пугать нашего Сашеньку».

Несоразмерность преступления и наказания поразит тебя.

«Да как же теперь он это будет знать? Без головы? Ведь это всё из-за меня... Может, мы так играли. Как же так? Он

ведь был хоть и злой, но живой. А теперь?».

На другой день ты увидишь врага в супе, расплачешься и есть откажешься.

5

Ты мал, тебе ещё не ведомо, что всего лет за десять до твоего появления на свет у бабушки был муж, папа твоей мамы и твой дед. И вообще, что она не всегда была бабушкой.

Ты, считай, ещё и не ступил в эту невидимую реку, ты ещё не понимаешь времени, его тягостного, томительного, обманчиво-медленного течения в детстве, его мерного, неутомимого шага в юности, потом бега, потом галопа и, наконец, полёта со стоп-кадром на финише.

И то сказать, если каждый день такой бесконечный, а лето, если уж наступило, то будет теперь почти всегда, тогда что такое тридцать лет? То же, что и сорок.

Или сто.

Ты смотришь на свою бабушку – юную кудрявую гимназистку в красивом облегающем длинном платье, на её теперь уже бесплотных подруг, беззаботно глядящих на тебя с картонных фотографий. Они никуда не спешат, эти девочки с другой планеты, они смотрят в объектив фотокамеры спокойно, слегка улыбаясь каким-то своим мыслям. У них солнечные лица, им трудно стоять перед камерой в образе так долго, покажи сейчас фотограф пальчик – то-то будет смеха.

Идёт шестнадцатый год нового века, им по четырнадцать лет, они почти взрослые барышни из семей, очень старающихся быть хорошими, на них уже заглядываются мальчики-гимназисты. Их жизнь должна стать долгой, в ней должно быть много музыки, цветов, романов и амуров, в ней непременно будут маленькие смешные дети, много ёлок и снегурок, куличей и хороводов, шитья, сплетен, танцев, дней рождения и именин.

Она должна неспешно развернуться бесконечной дорогой под ласковым южным солнцем.

Ничего подобного не произойдёт: им придётся менять свою единственную и неповторимую жизнь на очереди и хлебные карточки, на ремеслухи и базарную толчею, на отравленные газетные заголовки и осадный быт, на страхи и ворованную радость.

А новый век всё никак не сподобится взглянуть на календарь, всё никак не может начаться, никак не может разро-

даться смутой, горем и войной.

Ты видишь парня с горящими глазами в форме студента университета. Это твой дед. Ему восемнадцать. Он из огромной семьи станичного священника, ему надоело возить на подводе воду из речки на двор, по которому бродят и верещат гуси, он чувствует, как бежит по жилам кровь, как она бродит, словно молодое вино.

Кажется, сил этих отпущено не на три воза, а на три века. И веры отпущено на троих, и здоровья, а главное – страсти. Как сжатая пружина будет эта страсть всю жизнь распрямляться, спасать, выносить из беды.

Он докажет всему свету, на что он способен, он должен выучиться, выбиться в люди, состояться. Он мечтает увидеть Москву и Санкт-Петербург и покорить их.

Ему суждено совсем другое: быть изгнанным отовсюду из-за отца-священника, затаиться на всю жизнь, молчать, переходить на другую сторону улицы, прятаться, жить в своей стране в страхе, быть виноватым по всем кодексам, по всем их статьям, оказаться чужим на родной земле, а через двадцать пять лет и вовсе бросить всех, кого он так любит, навсегда покинуть злую мачеху – родину и умереть в другом Санкт-Петербурге, что в штате Флорида.

Маленький дикарь, родившийся в песках возле аэродрома, ты смотришь на молодую томную женщину в купальном костюме с распущенными волосами, лениво позирующую рядом с коротко стриженным холёным надменным мужчи-

ной у огромного валуна на фоне волн или на узкой тропинке среди диковинных тропических деревьев. Ты понимаешь, что это твоя бабушка и твой дедушка. Что у них нездешние, гордые, глубокие лица, какие нынче увидишь разве что только на старых фотографиях.

Они молоды, они только догадываются про страшное время и безнадёжное место, где их угораздило родиться, им ещё не объяснили правила игры, ещё не предъявили счёт.

Они уже понимают, что их стране не нужны эти крепко, обеими ногами стоящие на земле парни и девушки из бесчисленных огромных семей, рассыпанных тут и там на российских просторах: они воспитаны в другой вере и долг свой перед родиной видят по-другому.

Они уже видят, что их стране нужны другие, готовые бежать петушком за дрожками, готовые клеймить отца и брата, не помнящие родства и не виноватые в этом, не отмеченные каиновой печатью убийцы, а только обманутые, слепые, безъязыкие, нетвёрдые в вере, тёмные, не умеющие прочитать, написать, понять.

Но они ещё не догадываются, как сильно их ненавидит родина, как не хочет она, чтобы они были, как задумала она избавиться от них с помощью доноса и лагеря, как хочет убить их непосильным трудом, страхом за родных, болезнью или пулей.

Они ещё не знают, что их и им подобных здесь не должно быть совсем.

Они ещё не знают, что всего через десять зим им уготован обезображенный войной голодный город, разлука, отчаяние и горечь, с которой им, разделённым большим холодным океаном, суждено сойти в могилы и исчезнуть, сгинуть в спокойной невидимой реке.

ПИСЬМА ИЗ АМЕРИКИ

*(Орфография и пунктуация
подлинника сохранены)*

Дед – маме

1 января 1987

.....

Вспоминаю своё далёкое детство. Ты не знаешь, но возможно, слышала от мамы, что после Нового Года, после Рождества был ещё праздник Крещение, который приходился на 6 января по ст. стилю. А перед этим днём, накануне, был день, который назывался «Голодная кутья». В этот день, в два часа, была служба в церкви, и освящалась вода. И потом дома все собирались в столовой, где был приготовлен постный обед: были пирожки с фасолью, с картошкой, с капустой, был винегрет, что-то ещё, не помню. И завершалось торжество обеденное пшеничной сладкой кутьёю и взваром.

У нас существовал обычай: если кто за столом во время обеда чихнёт, тому отец выдаёт ценный подарок – 10 рублей золотом.

Помню, за столом отец, мать и нас, мальшей четверо: Виктор, я, Нина и Зина на руках у матери. В ту пору мне было 4–5 лет. Зине не было и года. Торжественно объявляется, что наступило время, когда первому, кто чихнёт, тут же сразу будет выдана награда. И несмотря на то, что мы голодные, ведь с утра ничего не ели, мы всеми силами стараемся вызвать чих – мы загружаем нос капустой, фасолью, кашляем, но чиха не получается.

И я тогда же пожалел, почему я не знал об этом обычае раньше? Я бы мог потренироваться, что-то придумать, выработать и заработать...

Наш обед подходит к концу. Старания наши бесплодны. И вдруг, как гром среди ясного неба, раздаётся чихание, и чихнула безо всякого основания самая маленькая Зина!

26 января 1987

.....

Со здоровьем у меня уже совсем неважно стало. Моё здоровье на исходе. И уже так надоело мучиться, страдать, что с нетерпением жду – где же конец. Ведь все мои недомогания и неполадки разрушительно действуют на нервы. Бессонные ночи стали терзать меня. Ведь это ужас какой – с вечера до утра мысли, волнения, переживания, масса недоделок гвоздём сидят

в голове. Порой мне кажется, что черепная коробка у меня не выдержит напора, лопнет, и всё ненужное и лишнее вытечет

1 марта 1987

С нашим Виктором у нас дружба была с детства. Он раньше меня пошёл в училище, и был он старше меня года на два. Но в школе мы жили как-то раздельно. Я только помню, что меня дразнили как и его, по созвучию – «Ярошка-картошка» или просто «картошка».

Бывало, на зимние каникулы нас приглашала Маруся или Коля. Зимы были тёплые, грязные. И мы были целыми днями привязаны к дому – сидели у окна, следили за гусями соседей и ждали, когда гуси начнут прятать свои носы под крыло. Говорили, что это верный признак – завтра будет мороз, всё подмёрзнет, и мы сможем выйти из дома. И почти всегда Виктор, не дождавшись конца нашего отпуска, уже торопил меня возвращаться в училище. И всегда мы приезжали раньше всех. И летом мы были неразлучны, работали вместе и веселились вместе.

Покупки в местной лавочке были на нашей совести. Бывало, купим голову сахара и еле прём её вдвоём.

Во дворе у нас под акацией стояла повозка для двоих лошадей, и на ней была 40-ведёрная бочка для воды. Очень редко кто-нибудь приходил с парой лошадей, запрягал и ехал на лиман к колодцу, тягал вручную 40 вёдер воды, наливал полную бочку и привозил

к нам. А обычно это было на нашей с Виктором обязанности. Каждый второй день мы вдвоём, ведром должны были натаскать полную бочку воды с лимана. Мы вооружались парой вёдер, коромыслом и таскали, наполняли бочку. Расход воды был очень большой, было много всякой птицы – гуси, куры, утки, цесарки. Стирка, мытьё. Народу ведь было много. И всё это делалось бесплатно...

Часто к вечеру мы для своей публики устраивали цирк – выступали Виктор и я. Была борьба или показывали гимнастические упражнения – кривлялись, дурака валяли, подражая цирку, которым очень увлекались.

На воде Виктор был на последнем месте. Случилось, он катался на лодке один, и лодка легла набок, парус намок. И в школе, и в жизни он был большой неудачник. За это мама его любила больше всех. Не помню, как и почему он выбыл из училища и попал «на псарню». Он и женился на Зое, по-моему, неудачно. Отец её дроголевал, т. е. с лошадью зарабатывал семье и себе пропитание. Любил выпить.

Её старший брат был глухонемым, и я бывал очень редко у них, страшно боялся его.

Виктор публично отрёкся от своей службы, от отца. И перед войной работал в колхозе, эвакуировался и там где-то умер. Он хорошо пел. Великолепно играл на балалайке, но счастлив, по-моему, никогда не был.

11 марта 1987

.....

Ты не отчаивайся и не переживай уж очень, но я скажу тебе по-честному, что я так устал от тоски и одиночества, так во мне всё болит, так приелось и трудно, что уже нет ни сил, ни здоровья. И руки в бессилии опускаются. И выхода нет. И впереди – пустота.

Тебе говорят, что на этой старой фотографии твои бабушка с дедушкой, вот, видишь, здесь написано «Анапа-1932», ты делаешь вид, что впечатлён, ты киваешь, чтобы не обидеть бабушку. Ты не хочешь, да и не можешь размотать этот клубок на четверть века назад. Что разглядишь ты в этой темноте?

Одно и то же время для бабушки и для тебя течёт по-разному: бабушке уже почти не за что цепляться, а ты – ты пока застрял в мелкой протоке, у тебя полно времени на то, чтобы разглядеть и солнечного зайчика, и жука-плавунца.

И вообще ты сейчас думаешь совсем о другом.

Ты вспоминаешь историю, которая приключилась с вашим пожизненным армавирским соседом, толстым и добрейшим дядей Миней Хрусталёвым. Именно ему бабушка продала полдома, когда осталась одна с твоей будущей мамой и Лёкой.

У дяди Мини не было детей, и он любил и баловал тебя, как родного: сюсюкал, придумывал разные ласковые шуточные прозвища, вырезал свистульки, разрешал красить забор и брал с собой погулять.

Гуляли недалеко – до ближайшего пивного ларька. Когда шли, дядя Миня задыхался, хрипел и булькал. Выпив залпом полкружки, успокаивался, показывал тебя друзьям, гордил-

ся. Говорю вам, племянник мой. Зовут Сашулька. Откуда?
Оттуда! Ты посмотри, ржут, дураки. У меня что, не может
быть племянника?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.